

— Опасно ли спускаться вниз?

— ...Не знаю. Последствия срабатывания неправильного механизма зависят от настроения того, кто его установил. — Су Няньсюэ задумалась, прежде чем продолжить. — Но спуститься и посмотреть... тоже вариант.

— Как так?

— Как ты сказала, это место изолировано, и здесь почти нет чужаков. Алтарь — запретная зона, и только Верховный жрец и его преемник знают, что внутри. Но если это представители того же рода, то даже если кто-то случайно сюда попадет, из уважения к своим они вряд ли установят смертельные ловушки...

Цин Лань молчала некоторое время, глядя на темную бездну внизу, затем тихо спросила:

— А если бы ты сама устанавливала механизмы, как бы ты это сделала?

Если бы она сама устанавливала механизмы... Она опустила взгляд, размышляя. Нужно было бы гарантировать безопасность своих, но при этом сделать так, чтобы злоумышленники погибли... Если эта внезапно появившаяся яма не смертельна...

— Тогда внизу не будет механизмов... Разве что если кто-то захочет пойти дальше, тогда сработают настоящие смертельные ловушки.

Но это лишь предположение, основанное на ее собственном мышлении, и его нельзя принимать за истину.

Цин Лань, выслушав ее, глубоко взглянула на нее, встала и снова закрепила железный коготь, сказав:

— В таком случае, давай спустимся и посмотрим.

— Эй? Это лишь мое предположение, если я ошибаюсь...

— Если ты собираешься ждать, пока механизм снова заработает, ты не можешь быть уверена, сколько это займет времени. — Она потянула за крепко закрепленную цепь и спокойно сказала:

— А если ждать месяц? Я могу ждать, а ты?

Это был худший из возможных сценариев, но никто не мог отрицать, что такое возможно.

Она действительно не могла ждать.

Учитель сказал, что сможет поддерживать жизнь человека, если она принесет Цветок семи листьев до июля, но не дольше. Если что-то пойдет не так, эта поездка окажется напрасной.

Придется рискнуть...

— Хорошо... Я спущусь первой, если внизу есть механизмы, я смогу их обезвредить...

— Нет, спустимся вместе. — Цин Лань бросила ей цепь и достала из кармана кинжал, спокойно сказав:

— Мне это не нужно.

...Ладно, только благодаря своему мастерству в легкой атлетике она может так рисковать. Су Няньсюэ, спускаясь по веревке, наблюдала за тем, как эта девушка карабкается по стене, и не могла не подумать про себя.

Говорят, что некоторые грабители гробниц мастерски владеют искусством лазания по стенам и могут свободно перемещаться даже по отвесным скалам, но очевидно, что она не из их числа. Но с такой ловкостью она, должно быть, родственница геккона...

— Иди за мной, не отходи далеко, иначе можешь наступить на какую-нибудь ловушку.

Пожалуй, чувствуя свою вину, она редко так покорно кивнула.

Туннель был низким, и приходилось идти согнувшись. Впереди, казалось, был слабый свет, но в таком месте, где, вероятно, не было людей уже двести лет, откуда бы взяться свету? Су Няньсюэ, зажигая огниво, медленно шла вперед, в глазах ее читалось недоумение.

— Это... вечный огонь? — Пройдя через темный туннель, она с удивлением посмотрела на горящие лампы на стенах.

Мерцающий свет освещал просторную каменную комнату. На стенах были те же символы, что и на алтаре. Повсюду лежали покрытые пылью свитки из кожи, на которых невозможно было разобрать текст. В углах стояли несколько скелетов, склонившихся в поклоне, как верующие, поклоняющиеся богам, описанные в книгах.

Су Няньсюэ погасила огниво и подошла, чтобы поднять лежащий на полу свиток.

Стряхнув пыль, она увидела, что на нем были написаны западные иероглифы. Хотя она могла

говорить на языке кочевников, письменность западных народов была слишком разнообразной, и она не могла понять, что там написано. В отчаянии она посмотрела на Цин Лань, которая задумчиво смотрела на скелеты.

— Ты можешь понять, что здесь написано?

— Это молитвы. — Цин Лань бегло просмотрела текст и слегка нахмурилась. — Некоторые детали неясны, но в основном это запись какого-то ритуала и результатов астрологических наблюдений. В конце стоит дата — семнадцатый год Жун Дун, но кто такой Жун Дун, я не знаю, записей слишком мало. Такой стиль и начало обычно характерны для молитв, можешь поискать, есть ли что-то другое.

Сказав это, она не стала ждать дальнейших вопросов и направилась к скелетам.

Почему она так интересуется скелетами... Су Няньсюэ нервно дернула уголок губ и продолжила рыться в разбросанных свитках.

— Что не так с этими скелетами? — Настолько, чтобы так долго смотреть на них...

Цин Лань взяла немного земли с пола, понюхала ее и подошла к ней:

— Эти люди... покончили с собой.

— Самоубийство? — Она выпрямилась и нахмурилась. — Почему ты так думаешь?

— Это западный яд под названием Пурпурная Ночь, который делается из Цветка семи листьев, который ты ищешь. — Она села рядом с ней, просматривая собранные свитки. — Рядом с скелетами вырезаны слова. Хотя почерк неразборчив, но смысл примерно одинаковый.

— Что именно?

— «Мы закрыли гору в отчаянии, мы опозорили наших предков из Сяньбэй».

— ...Сяньбэй? — Она на мгновение замерла, глядя на нее с удивлением. Если она не ошибается... у нее самой есть кровь Сяньбэй...

Цин Лань посмотрела на нее:

— Не смотри на меня так, я ничего не знаю. Если бы знала, разве я бы наступила на этот чертов механизм?

...Логично... Сяньбэй, хотя и не так многочисленны, как ханьцы, но их ветви слишком запутаны. Если эта ветвь всегда жила в горах, то у них не было бы много контактов с другими Сяньбэй.

Но что они имели в виду под отчаянием...

— На свитках использован язык Сяньбэй?

— ...Не совсем, это скорее смесь языка Сяньбэй и древнего западного языка. — Цин Лань тоже с трудом разбирала текст. Она подняла свиток, который держала в руках:

— Это то, что привезли люди, упомянутые в молитве, которые уходили из рода в тот год. Что-то вроде писем.

Су Няньсюэ удивилась, положила свой свиток и подошла ближе:

— Что там написано?

— Информация о внешнем мире, и упоминается...

— Что?

— Срединные равнины.

— Говорят, что на Срединных равнинах идет война, которая может угрожать и нам, поэтому специально попросили вернувшихся соплеменников привезти это письмо, чтобы спросить о здоровье старейшин. В конце стоит дата — восьмой год Жун Дун. — Цин Лань внимательно рассмотрела свиток с неразборчивым текстом, подумала и сказала:

— По почерку, он не слишком размыт. Вероятно, это произошло около двух-трехсот лет назад. В это время угроза для горы Тяньшань могла исходить только от...

— Ты имеешь в виду...

Война, которая могла охватить Срединные равнины, и произошла около двух-трехсот лет назад... Перед основанием Великой Лян, когда князья предыдущей династии подняли восстание?.. Су Няньсюэ, подперев щеку, начала отсчитывать время. Во время междоусобиц на Срединных равнинах царил хаос, князья на севере и юге провозглашали себя правителями и воевали друг с другом на протяжении пятидесяти-шестидесяти лет... Восьмой год Жун Дун упоминает войну на Срединных равнинах, значит, это было в то время. Но, согласно записям Цин Лань, в западных древних текстах упоминается, что это древнее государство исчезло примерно в начале эпохи Великой Лян, так что... было ли оно связано с Великой Лян?

Пока она размышляла, Цин Лань незаметно встала. Она подошла к каменным полкам, покрытым пылью, быстро пробежала взглядом по ним и остановилась на углу, где слой пыли был особенно толстым.

— Что случилось? — Су Няньсюэ, заметив ее движение, подошла посмотреть, но неожиданно закашлялась от пыли. — Кх-кх... Что ты делаешь...

— Ты ведь интересовалась, почему я так долго смотрела на скелеты? — Цин Лань, не обращая внимания, стряхнула пыль со свитка и, подняв на нее взгляд, слегка прищурила свои янтарные глаза. — Иногда мертвые тоже могут говорить.

А? Она удивилась и повернулась к скелетам. Она не понимала языка Сяньбэй и древнего западного письма, но могла догадаться, кем были эти люди.

Цин Лань сказала, что они покончили с собой, умерли в таком месте, отравившись ядом из Цветка семи листьев, и лежали в позе поклонения.

Эти люди... были жрецами...

Ей вспомнились слова, которые ранее произнесла Цин Лань. В отчаянии они закрыли гору, опозорив своих предков.

<http://bllate.org/book/15509/1377359>